

Міністерство освіти і науки України
Запорізький національний університет
Криворізький факультет Запорізького національного університету

**«ПРОБЛЕМИ СТАНОВЛЕННЯ І РОЗВИТКУ ОСОБИСТОСТІ
В СУЧАСНОМУ СОЦІОКУЛЬТУРНОМУ СЕРЕДОВИЩІ»**

Збірник матеріалів

Всеукраїнської науково-практичної конференції

(20 березня 2014 року)

Кривий Ріг
2014

СОЦИАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ЛЮДЕЙ В ПЕРИОДЫ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ПЕРЕМЕН: ПОИСК ЭФФЕКТИВНЫХ ПАТТЕРНОВ

ЛОБАНОВА А. С., доктор социологических наук,
профессор, заведующая кафедрой социологии и экономики
СЛАВИНА Е. С., кандидат экономических наук, доцент,
доцент кафедры социологии и экономики
Криворожский педагогический институт
ГВУЗ «Криворожский национальный университет

Анотація. У статті представлено авторське бачення особливостей соціальної поведінки людей в період суспільно-політичних змін в Україні в листопаді 2013-березні 2014 рр. Зазначено, що особливостями соціальної поведінки є реалізація поведінкових практик радше деструктивного характеру, які ґрунтуються на сепаратистських, агресивних настроях певної частини населення. Окреслено основні характеристики патернів поведінки населення і політиків.

Ключові слова: соціальна поведінка, поведінкові практики, усвідомлена поведінка, неусвідомлена поведінка, поведінкові патерни, суспільно-політичні зміни.

Аннотация. В статье представлено авторское видение особенностей социального поведения людей в период общественно-политических перемен в Украине в ноябре 2013-марте 2014 г. Отмечено, что особенностями социального поведения, является реализация поведенческих практик скорее деструктивного характера, которые основываются на сепаратистских, агрессивных настроениях определенной части населения. Выделены основные характеристики паттернов поведения населения и политиков.

Ключевые слова: социальное поведение, поведенческие практики, осознанное поведение, неосознанное поведение, поведенческие паттерны, общественно-политические изменения.

Постановка проблемы в общем виде. Политические события, произошедшие в Украине с ноября 2013 г. по март 2014 г., приведшие не только к серьезным общественным потрясениям и изменениям, но и многочисленным человеческим жертвам требуют глубокого и всестороннего изучения и осмысления. Следует сказать, что годы президентства В. Януковича (2010 - 2014 гг.) не только отбросили украинское общество на несколько десятилетий назад в плане экономического развития, но и ввергли страну в правовой и коррупционный беспредел, создав лишь имитационную модель демократического развития. Не удивительно, что в обществе вызрел и взорвался народный протест против существующей власти, которая нарушила грани дозволенного и организовала вооруженный разгон мирной демонстрации студентов за поддержку евроинтеграционных процессов 30 ноября 2013 г.

Народные протесты на Евромайдане, отстрел снайперами мирных митингующих, самоустранение Президента и его близкого окружения от руководства страной, информационная блокада и оккупация территории Автономной Республики Крым российскими военными подразделениями – всё это реальность, которую нелегко принять и понять большинству населения страны, особенно таким социальным группам, как подростки, молодежь и люди пожилого возраста. Первые только вступают в жизнь и процесс их социализации предусматривает стабильные социальные условия, в которых минимизированы риски глубоких социально-психологических потрясений. Вторые, в основном пенсионеры, пережившие в детстве тяготы послевоенного времени и лишённые нормального полноценного питания, лечения и отдыха, не имеют достаточных физических и моральных сил переносить любые революционные изменения, поскольку для них главной

ценностью является уже не столько их материальный достаток и благополучие, сколько спокойная старость и *мирное будущее* для их детей и внуков.

Поэтому в нынешних условиях особенно остро актуализируется *социальная проблема* отсутствия необходимых знаний и умений у большинства людей противостоять общественным вызовам, связанным с кардинальными изменениями общественной жизни. В этой связи *целью работы* является поиск таких паттернов повседневного социального поведения людей, которые минимизировали бы негативно-деструктивное влияние общественно-политических перемен, кризисов и трансформаций на массовое сознание.

Анализ исследований особенностей общественного сознания и поведенческих практик в периоды трансформаций и кризисов в отечественной социологии был начат известными украинскими социологами Е. Головахой и Н. Паниной в работе «Социальное безумие: история, теория и современная практика», увидевшей свет в 1994 г. после распада Советского государства. Авторы акцентировали внимание на том, что многие политики и учёные того времени объясняли массовое сознание и сознание своих оппонентов в постсоциалистических государствах преимущественно в психопатологической терминологии, навешивая им различные психиатрические ярлыки, что на самом деле несло «серьёзную угрозу для самих диагностов». На самом деле, по мнению Е. Головахы и Н. Паниной, в обществах, переживающих переходный период, речь должна идти не о психопатологическом социальном общении, а о *социопатическом*, то есть таком, которое «не соответствует социально-адаптивным ресурсам людей, вынужденных жить в принципиально новых условиях» [1, с. 148 - 149]. Это предостережение известных социологов крайне важно услышать, понять и принять сегодня, когда в нашем обществе сует антиукраинских настроенных политиков, разного рода пророссийских активистов и провокаторов слышатся речи о «революционном неврозе», «коричневой чуме», «шизоидных майдановцах» либо призывы «отбирать награбленное», «бить бандеровцев» и т.д. Подобный лексикон, распространяющийся среди различных социальных групп и слоёв населения не только не снимает социальное напряжение, а, наоборот, его усиливает и более того разрушает устоявшиеся барьеры нормативно-допустимых образцов социального общения и социального поведения, которые доминировали в обществе. И в этой ситуации «*стабильная нестабильность*» общества, которая, по мнению специалистов Института социологии НАН Украины, значительное время репродуцировалась в украинском обществе вследствие «исторической длительности процессов институциональной, социоструктурной и социокультурной трансформации» [2, с. 101], как нам представляется, постепенно трансформируется в «*дестабилизирующую нестабильность*», углубляя состояние аномии. Понятие «аномии», как известно, означает нарушение ценностно-нормативных регуляторов в обществе, что приводит к увеличению аморальных поступков, асоциальных, криминальных и преступных поведенческих практик. В нынешних условиях примерами таких поведенческих практик являются уличные подстрекательские действия групп «титушек», провокативные действия пророссийски и экстремистски настроенных радикалов, снятие с государственных учреждений украинских флагов и вывешивание российских, хулиганство, правонарушения, разбои, грабежи, осуществляемые под лозунгами Майдана, использование холодного и огнестрельного оружия в противостояниях, похищения журналистов и, конечно же, оккупационные действия российских войск в Крыму, которые замаскированы под «самооборону», которая якобы охраняет общественный порядок накануне и в период так называемого референдума 16 марта 2014 г. Вне всякого сомнения всё то, что происходит в современной Украине, существенно влияет на общественное настроение, дестабилизирует сложившиеся в сознании людей стереотипы, дезадаптирует ещё неустановившиеся хрупкие конфигурации моделей повседневного поведения.

Изложение основного материала исследования. Естественно, что в условиях аномии актуализируется потребность в поиске определённого арсенала паттернов повседневного поведения различных социальных групп, презентация которых позволила бы населению адаптировать свои социально-психологические ресурсы к сложившейся ситуации.

Решение этой проблемы чрезвычайно важно сегодня не только для социологов, но и для учителей, педагогов, которые ежедневно работают с учениками и студентами, и для руководителей предприятий, которые постоянно работают с трудовыми коллективами, в которых нередко появляются конфликтные ситуации не столько на основе совместного труда, но и на основе и политических, и идеологических, и территориально-этнических разногласий. Для того, чтобы очертить наиболее эффективные паттерны повседневного поведения в периоды общественных перемен, необходимо прежде всего определиться с такими понятиями, как «социальное поведение» и «паттерны поведения».

Поскольку речь идёт о человеческом поведении, то оно, естественно, носит социально обусловленный характер, так как формируется в процессе взаимоотношений людей между собой. «Поведение как таковое, - отмечают социологи, - представляет собой совокупность внешне наблюдаемых поступков и действий отдельных индивидов и их групп, их определённую направленность и последовательность, так или иначе затрагивающих интересы других людей, социальных групп, социальных общностей или всего общества» [3, с. 737]. А это означает, что поведение человека отображает его и психологические и социальные качества: потребности и интересы, характер и темперамент, волю и культуру, ценности и нормы, взгляды и убеждения, которые сформировались у него в процессе воспитания, социализации и общения с социальным окружением. При всей, казалось бы научной ясности в понимании социального поведения, его сущность остаётся не окончательно выясненной. Об этом засвидетельствовал виртуальный стол, проведенный исследовательским комитетом САУ Украины «Социология личности» на тему: «Регуляция социального поведения в ситуации нестабильности» [см.: 4]. Так, большинство социологов, к примеру, О. Ненько, М. Паращевин, С. Катаев, Л. Бевзенко, Н. Соболева рассматривают социальное поведение через понятие «социальных практик» и считают, что оно балансирует «на грани осознанности и неосознанности (автоматизма)», а Ю. Саснко, Т. Загороднюк и А. Резник социальное поведение рассматривают скорее как форму, способ или совокупность фактических действий и поступков индивида, *сознательно сориентированных* на других людей для социального взаимодействия и социальных отношений [4, с. 181 - 184].

Можно согласиться со Е. Злобиной, что социальное поведение своей внутренней предпосылкой действия имеет дихотомию «*осознаваемое-неосознаваемое*», а «внешним поведенческим компонентом: действия, сознательно продуцируемые субъектом; практики различного уровня осознаваемости; традиционные, привычные, типические модели поведения» [4, с. 197]. А это означает, что *социальное поведение* непосредственно зависит от исторической памяти, традиций, обычаев и одновременно является результатом как осознанной, так и неосознанной габитуально обусловленной ориентированности людей на поведенческие акты (практики) и осуществляется при помощи типических моделей или паттернов поведения. Паттерн, как отмечает В. А. Абушенко, «гнездясь в сознании, в культуре, обеспечивает устойчивость, повторяемость, фиксируемость «естественной конфигурации» (простапающей за слоем феноменального) и «семантизации» (различения смысловых единиц), обеспечивающих видение мира» [3, с. 713].

Наличие в социальном поведении неосознанного компонента, который признаётся всеми учёными, говорит о том, что оно не может носить раз и навсегда установленную модель или постоянно и везде повторяемую практику, наоборот, поскольку оно регулируется не только внешними обстоятельствами, но и внутренними факторами, а значит, может быть как «активным» (иницированным субъектом), так и «реактивным» (как осознанным, так и автоматическим) [4, с. 197]. А это означает, что в условиях общественно-политического кризиса, который, как правило, характеризуется наличием нестабильности и увеличением жизненных рисков, регуляция социального поведения у разных людей осуществляется поразному: у одних могут доминировать осознанные и осознаваемые паттерны, у других, наоборот, неосознанные и неосознаваемые. То есть в непривычных для себя, сложных или незнакомых внешних условиях, люди могут проявлять и совершать как обдуманное, так и необдуманное поступки и действия. И чем непривычнее обстоятельства, тем, полагаем,

больше вероятность распространения необдуманных поступков и действий под воздействием социального окружения и его влияния. Люди быстрее поддаются убеждениям, призывам, идеологемам, не особенно задумываясь об их содержании и последствиях, быстрее возбуждаются от совместного негодования относительно какой-то непонятной для них ситуации или действий определённого политика или чиновника, легче поддаются на провокации и мгновенно вступают в конфликты и конфронтацию. Как отмечают социальные психологи, социальное влияние часто бывает очень сильным, «оно обычно перевешивает и нередко подавляет *индивидуальные различия (individual differences)* в личных качествах людей как детерминантах человеческого поведения» [5, с. 51].

Нельзя не заметить, что февральские и мартовские события 2014 г. в Украине существенно изменили повседневное поведение и поведенческие паттерны людей. В чём нам видятся эти изменения?

Во-первых, события на Евромайдане разделили украинское общество условно на три социальных лагеря: его сторонников, противников и безразличных или не определившихся своё отношение к нему. Социальное противостояние усилилось, обострились социальные отношения. И сторонники, и противники Евромайдана в течение почти трёх месяцев (с 30 ноября 2013 г. до середины февраля 2014 г.) сдерживали своё отношение, не торопясь высказывать в личных контактах открыто своё мнение, выжидая дальнейших действий провластных сил и майдановцев. И тем не менее по данным социологов представители всех украинских регионов почти единодушно осудили применение силы против мирных митингующих на Евромайдане 30 ноября. Результаты Общенационального опроса, который провела 3 - 9 декабря 2013 г. Ассоциация политических психологов Украины с Институтом социальной и политической психологии, показали, что в западных регионах Украины силовой разгон Евромайдана осудили 96 % опрошенных, в центральных – 84 %, в восточных – 60 %, и на юге – 73 % [6].

А кровавые события 20 февраля 2014 г., а затем самоустранение Президента от выполнения своих полномочий способствовали тому, что сложное внутреннее напряжение у большинства людей трансформировалось во внешнее вербальное противостояние в социальном общении, в результате которого более зримо очертились противостоящие стороны. Но выплеск эмоций не снизил напряжение, а наоборот усилил его, поскольку произошёл процесс смены властных элит, в результате чего к власти пришли оппозиционные партии, контролируемые народными повстанцами – евромайдановцами (представителями Самообороны, Правого сектора, ВО «Свобода» и т.д.).

Смена властных элит, происходящая демократическим путём при помощи избирательного права, даже при наличии нарушений – это привычный для украинцев процесс. А вот смена высших органов исполнительной власти, в том числе правительства в результате событий на Евромайдане стал новым и совершенно неожиданным поворотом для большинства населения в хронологии народных протестов, хотя, по мнению большинства отечественных и зарубежных юристов и носил легитимный характер. Однако российскими политиками и прежде всего Президентом Российской Федерации В. Путиным он был квалифицирован как «конституционный переворот и вооружённый захват власти». Оппоненты Евромайдана, в основном жители восточных и юго-восточных регионов Украины слышали скорее В. Путина, чем европейских и американских политиков и противостояние ещё более обострилось, активизировались вооружённые конфликты сепаратистской направленности, в результате которых снова были человеческие жертвы. В этой связи у большинства людей к неуверенности в том, что новая властная элита является легитимным органом добавилось чувство тревоги, опасности, неуверенности в завтрашнем дне и на фоне этого ещё более усилились, подогреваемые провокаторами, пророссийские настроения в Автономной Республике Крым и на востоке страны: в Луганской, Донецкой и Харьковской областях.

Всё это привело к тому, и это, *во-вторых*, что в середине марта 2014 г. в украинском обществе образовалось три параллельно существующих социально-территориальных

анклава, жители которых стали жить практически в разных политически и ценностно-ориентированных векторах. Первый анклав объединил все области западного, северного и частично центрального регионов страны во главе с Киевом, жители которого, в своём большинстве, поддержали новую власть, стали искать новые поведенческие паттерны и выстраивать своё социальное поведение в новой плоскости – просвропейской интеграции, поддержки новой власти, борьбы с коррупцией, выявления фактов нарушения прав человека и укрепления надежды на построение реально правовых отношений. Второй анклав – это жители Автономной Республики Крым, значительная часть которых в условиях «тихой военной оккупации», согласилась, а может и захотела (за исключением крымских татар, которые бойкотировали псевдореферендум) голосовать за самостоятельность Крыма с дальнейшим его присоединением к Российской Федерации в качестве суверенного субъекта. Третий анклав – это жители востока страны, большинство из которых, боясь «бандеровцев» и «ультрарадикалов», которыми их пугает российская пропаганда, подогреваемые пророссийскими провокаторами, агрессивно выражают антиукраинские настроения, требуя федерализации страны или присоединения к России. Так, согласно результатам социологического опроса, проведенного фондом «Демократические инициативы» имени Илька Кучерива (11.03.14), больше всего сторонников объединения с Россией в Крыму - 41 процент, в Донецкой области - 33 процента, в Луганской и Одесской - по 24 процента. Хотя в Украине нет ни одного региона, где большинство людей хотело бы присоединения к Российской Федерации и в целом только 12,5 % украинцев выразили желание присоединиться к России. Кроме того, большинство россиян, живущих в Украине - не хотят объединяться с Россией [7].

Выводы и перспективы дальнейших научных исследований. Безусловно, ситуация в украинском обществе остаётся крайне обострённой и напряжённой и для её нормализации необходимо определённое время. Можно с уверенностью говорить о том, что практически все жители страны пережили или переживают «революционный шок», когда рушится привычный уклад повседневной жизни, к которому уже привыкли и адаптировались и появляется совершенно новая реальность, к которой надо снова приспосабливаться, мобилизуя все свои внутренние ресурсы и возможности, выстраивать новые паттерны своего поведения, новые социально-структурные конфигурации социальных отношений, брать ответственность на себя. И в этой ситуации у одной части людей формируется или усиливается волевая собранность и нацеленность на активную саморегуляцию своего социального поведения и поиск эффективных путей выживания и реализации своих сил и возможностей. У другой части – наоборот, разрушается личностная витальная основа жизнестойкости и появляется растерянность, неуверенность в своих поступках, действиях и формируется ожидание помощи со стороны, от кого-то более сильного или уверенного в себе, кто может спасти от беззакония и нищеты. Есть и третья часть населения, которая вообще не понимает, что происходит и не проявляет ни поддержки перемен ни их отрицания. Эти люди либо спокойно наблюдают за переменами и не спешат делать выводы, либо просто не знают, какую позицию занять, чтобы не потерять то, что имеют.

И поэтому наиболее эффективными паттернами социального поведения населения в сложившейся ситуации, как нам представляется, должны оставаться такие модели, которые основываются на осмыслении ситуации, выдержке, спокойствии, терпимости, толерантности, уважении к инакомыслию. Особо требовательными к своему поведению должны и быть политики, которые обязаны в своей деятельности руководствоваться, прежде всего, идеями государственности, законности и верховенства права, добрососедства и патриотизма, профессионализма и справедливости, защиты национальных интересов и уважения прав и свобод всех граждан страны, взвешенности в политических оценках и решениях.

Жизнь показывает, что всё-таки в сложных общественных ситуациях выигрывают те люди, которые научились отличать «зерно от плевел», реальные перемены от имитационных,

правовой порядок от беззакония, справедливость от несправедливости, демагогические лозунги от практических шагов по преобразованию общественной жизни.

Разумеется, в работе очерчен лишь *первый взляд* на особенности социального поведения людей в условиях общественно-политических перемен в Украине с ноября 2013 г. по март 2014 г. По сути дела именно в этот период население Украины впервые за годы своей независимости выявило такой мощный народный протест против существующей власти и столкнулось с такой массивной информационной атакой на общественное сознание со стороны России - своего самого близкого соседа, что всё это кардинально изменило социальное поведение большинства людей и поэтому дальнейшие исследования в этой сфере, по нашему мнению, могут быть чрезвычайно продуктивными и полезными.

Список использованной литературы:

1. Головаха Е. И., Панина Н. В. Социальное безумие: история, теория и современная практика / Е. И. Головаха, Н. В. Панина. – К. : Абрис, 1994. – 168 с.

2. Поведінкові стратегії населення як чинник модернізації (досвід емпіричного дослідження) / За ред. О. Злобіної. – К. : Інститут соціології НАН України, 2012. – 160 с.

3. Социология: [Энциклопедия] / Сост. А. А. Грищанов, В. Л. Абушенко, Г. М. Евелькин, Г. Н. Соколова, О. В. Терещенко. – Мн. : Книжный Дом, 2003. – 1312 с.

4. Регуляція соціальної поведінки за ситуації нестабільності: віртуальний круглий стіл // Соціолог: теорія, методи, маркетинг. – 2011. – №2. – С. 178 - 2002.

5. Аронсон Э., Уилсон Т., Эйкерт Р. Социальная психология. Психологические законы поведения человека в социуме. – СПб. : Прайм-Еврознак, 2002. – 560 с.

6. Жители всех регионов Украины осудили кровавый разгон Майдана [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://24tv.ua/home/showSingleNews.do?zhiteli_vseh_regionov_ukraini_osudili_krovaviv_razgon_maydana&objectId=393601&lang=ru

7. В Украине нет ни одного региона, где большинство людей хочет присоединения к Российской Федерации [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://24tv.ua/home/showSingleNews.do?tolko_125_ukraintsev_hochet_prisoedinitnya_k_rossii_o_pros&objectId=419292&lang=ru